

С.Л. Эрлих

Декабристы

в исторической памяти

Конец 1990-х — начало 2010-х

С.Е. ЭРЛИХ

**ДЕКАБРИСТЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**
Конец 1990-х — начало 2010-х

Нестор-История
Санкт-Петербург • Москва
2014

УДК 94
ББК 63.3(3)
Э79

Эрлих С.Е.

Э79 Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х — начало 2010-х. — СПб.; М.: Нестор-История, 2014. — 384 с.

ISBN 978-5-4469-0417-4

Исследуется современное состояние одного из важнейших разделов исторической памяти русского народа. По мнению автора, память о декабристах подразделяется на три сегмента: либеральный, коммунистический, православно-монархический. При очевидном различии идеологических оснований, все названные сегменты структурируются вокруг одного и того же героического мифа - поединка святого рыцаря с драконом. Рассматривается как разные идеологические установки преломляясь через оптику мифа преобразуют историю декабристов.

Научный редактор:

кандидат исторических наук *П.В. Ильин*
(Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук)

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Т.Н. Жуковская*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

кандидат исторических наук *Ю.В. Латыш*
(Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко)

ISBN 978-5-4469-0417-4

9 785446 904174

© С.Е. Эрлих, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть I ПАМЯТЬ И ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ

Глава 1. Как работает историческая память?	17
Глава 2. Память как героический миф	31

Часть II ДЕКАБРИСТСКИЙ МИФ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Глава 3. Манифестации мифа	43
3.1. Верность мифу	43
3.2. Коррозия «чистой стали»	57
3.3. Обломки мифа	61
Глава 4. Ремифологизация дворянских революционеров	69
4.1. Второе пришествие либеральной легенды	69
4.2. Декабристы и либеральное православие	75
4.3. Сближение либерального мифа с контр-мифом декабристов	78
4.4. Ремифологизация литературной классики	82
Глава 5. Производные «основного мифа»	89
5.1. «Пушкин — друг декабристов»	89
5.2. Сибирский миф	117
5.3. Миф жен декабристов	121
Глава 6. «Декабристские» формулы	126
6.1. «Три поколения»	130
6.2. «Первое поколение»	134
6.3. «Разбудили Герцена»	150

6.4. «Узок круг, страшно далеки»	156
6.5. «Декабристы»	157
6.6. «Жены декабристов»	173
6.7. «Пушкин и декабристы»	181
<i>Глава 7. Включение в декабристский контекст</i>	186
7.1. Советский период	186
7.2. Литературная классика	188
7.3. Потомки и родственники	206
<i>Глава 8. Отказ от жертвенного служения народу — «топос» декабристских сюжетов художественной литературы</i>	220

Часть III

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ (СОВЕТСКИЙ) МИФ ДЕКАБРИСТОВ

<i>Глава 9. Зюгановские «три поколения»</i>	233
<i>Глава 10. Декабристы в истории</i>	255
<i>Глава 11. Декабристы и современность</i>	262

Часть IV

ПРАВОСЛАВНО-МОНАРХИЧЕСКИЙ КОНТР-МИФ ДЕКАБРИСТОВ

<i>Глава 12. Основное направление контрмифического удара — языческая природа мифа интеллигенции</i>	274
<i>Глава 13. Дискредитация истории декабристов</i>	292
<i>Глава 14. Дискредитация мифологических производных основного мифа декабристов</i>	309
<i>Глава 15. Ревизия исторической памяти</i>	324
Заключение	338
Библиография	340
I. Источники периодов Российской империи и СССР	340
II. Источники периода Российской Федерации	346
Мемуары	346
Публицистика	347
Художественные произведения	366
III. Исследования и рецензии	368

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении уже почти двух веков декабристы являются объектом пристрастного внимания. Память о них выходит за пределы исторической науки. В четырех преемственных библиографических указателях «Движение декабристов» научные и научно-популярные публикации составляют не более четверти от впечатляющего перечня в 15095 библиографических единиц¹. Декабристам посвящено множество художественных произведений. Они выступают в качестве одного из наиболее часто используемых «исторических» примеров публицистики. «События и люди 14 декабря»² являются одним из важнейших разделов исторической памяти русского народа.

Их непреходящее значение связано с тем, что образ декабристов — знатных людей, пожертвовавших своим благосостоянием, свободой, жизнью, ради блага задавленного нуждой и невежеством народа — представляет секулярный аналог христианского самопожертвования во искупление грехов всего человечества³. Для успешного существования любое общество нуждается в подобных нравственных ориентирах. Отношение к декабристам в наши дни является показателем морального климата и свидетельством избранного направления общественного развития.

Основной целью данного исследования является изучение представлений о декабристах, бытующих в основных идейных сегментах общественного сознания: либеральном, коммунистическом («советском»), православно-монархическом. В соответствии с этой целью были поставлены следующие задачи:

¹ Эрлих С.Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. С. 13.

² Название книги Я.А. Гордина (М.: Советская Россия, 1985. 288 с.).

³ Эрлих С.Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. С. 83–90.

- Выяснить каким образом идеологии, влиятельные в современном российском обществе, воплощаются в публицистических образах декабристов.
- Проследить воздействие общих мировоззренческих установок на отбор и интерпретацию частных фактов истории декабристов.
- Выявить сходные инструменты, посредством которых публицисты противоборствующих политических лагерей преобразуют историческую реальность в образы исторической памяти.

Хронологические рамки исследования — конец 1990-х — начало 2010-х годов — обусловлены тем, что в этот период историческая память приобрела исключительное значение фундамента мировоззрения. После идейной «смуты», начавшейся в ходе «перестройки», выяснилось, что деклараций о принадлежности к «историческим» для Российской Федерации конфессиям недостаточно, чтобы сплотить общество. Крах религиозной по сути веры в коммунизм не привел в реальности к ее замене традиционными религиозными воззрениями. История из вспомогательного, по отношению к идеологиям православного монархизма и коммунизма в периоды, соответственно, Российской империи и СССР, идеологического инструмента фактически превратилась в главную «духовную скрепу». Об этом, в частности, свидетельствуют размах, с которым отмечается день Победы, а также появление нового «исторического» праздника — Дня национального единства 4 ноября. Автор намеренно ограничил хронологические рамки исследования сравнительно коротким периодом. Это позволило в деталях рассмотреть значительное число высказываний о декабристах различных жанров: публицистику, популярные исторические статьи, эссе по истории литературы, рецензии, художественные произведения, научные публикации. Объемная источниковая база исследования позволила осуществить детальную реконструкцию механизма исторической памяти в одном из ее важнейших разделов. В отдельных случаях, когда этого требовал характер анализируемых проблем, автор выходил за указанные хронологические рамки и привлекал материал более раннего времени.

Предлагаемая работа задумана в русле подходов коллективной (исторической, национальной, политической, социальной, культурной) памяти. Это направление исследований приобретает все большее значение в исторической науке⁴. Спецификой *memory studies* является отсутствие

⁴ *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. №2. С. 107.

единственного «верного учения». Выбор теоретических подходов здесь в значительной мере обусловлен задачами исследования и характером источников. Автор использует положения концепций памяти, сформулированные историками — П. Нора⁵, Ф. Артогом⁶, А. Ассман⁷, Д.Р. Хапаевой⁸ и другими исследователями.

По мнению автора, изучение проблем памяти немислимо без мифологического подхода. Он широко применяется при изучении исторической памяти⁹. В данном исследовании используются теоретические подходы к проблеме героического мифа, разработанные М. Элиаде¹⁰, В. Буркертом¹¹, В.Я. Проппом¹², Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским¹³ Вяч. Вс. Ивановым, В.Н. Топоровым¹⁴ и другими.

В советское время проблема памяти о декабристах рассматривалась преимущественно с точки зрения ленинской «теории отражения», пересмысленной применительно к художественной литературе и фольклору.

⁵ *Нора П.* Как писать историю Франции? // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 66–94; *Нора П.* Эра коммемораций // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 95–151.

⁶ *Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 262 p.

⁷ *Ассман А.* Длинная тень памяти: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

⁸ *Хапаева Д.* Прошлое как вызов истории. Послесловие переводчика // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 296–323.

⁹ *Леонтьева О.Б.* Многоликость исторической памяти (рецензия на сборник научных статей «Историческая память и диалог культур») // Вестник Самарского муниципального института управления: теоретический и научно-методический журнал. Самара: Изд-во «САГМУ», 2013. №2 (25). С. 139–140.

¹⁰ *Элиаде М.* Трактат по истории религий. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. 394 с.; *Элиаде М.* Трактат по истории религий. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. 416 с.; *Eliade M.* Comentararii la Legenda Meșterului Manole. București: Humanitas, 2004. 138 p.

¹¹ *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge; Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996. XIV + 255 p.

¹² *Пропп В.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

¹³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. VI. Ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту, 1973. Вып. 308. С.282–303.

¹⁴ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: (Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов). М.: Наука, 1974. 342 с.

Декабристские сюжеты произведений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и других, преимущественно дореволюционных, писателей многократно становились предметом исследования литературоведов. Меньше внимания, в силу скудости источников, уделялось декабристским мотивам в фольклоре¹⁵. Не раз рассматривались высказывания Ленина о декабристах¹⁶. Исследовались взгляды и других «прогрессивных» общественных и политических деятелей¹⁷. В большинстве этих работ преобладал подход во многом противоположный современным концепциям памяти, которые сосредоточены на изучении коллективных «само собой разумеющихся» представлений о прошлом. Советские ученые придерживались противоположной модели: «Великий человек *N* о декабристах». Внимание обращалось, прежде всего, на индивидуальные особенности авторских представлений. Соотнесение со взглядами предшественников, современников и потомков не являлось обязательной задачей исследований. Такой «изолирующий» подход ограничивает возможности по использованию достижений советской историографии при реконструкциях исторической памяти.

¹⁵ См. разделы библиографических указателей: «Декабристы в отражении художественной литературы» (Движение декабристов. Библиография. 1928–1959. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 345–366); «Декабристы в отражении фольклора и художественной литературы» (Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1976. М.: Наука, 1983. С. 211–230); «Декабристы в фольклоре и художественной литературе» (Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1994. С. 208–233).

¹⁶ См. разделы библиографических указателей: «В.И. Ленин о декабристах» (Движение декабристов. Библиография. 1928–1959. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 11–13); «В.И. Ленин о декабристах» (Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1976. М.: Наука, 1983. С. 14–16); «Ленин В.И.» (Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1994. С. 203).

¹⁷ См. например: *Оксман Ю.Г.* Белинский и политические традиции декабристов // *Декабристы в Москве: Сб. статей.* М.: Моск. рабочий, 1963. С. 185–219; *Порох И.В.* Герцен о революционных традициях декабристов // *Из истории общественного движения и общественной мысли в России.* Саратов, 1968. Вып. 2. С. 22–88; *Рудницкая Е.Л.* Движение декабристов в исторической концепции Н.П. Огарева // *История и историки: Историографический. Ежегодник.* 1975. М.: Наука, 1978. С. 154–172; *Ланда С.С.* Г.В. Плеханов в работе над историей движения декабристов // *Исторические записки.* М.: Наука, 1975. Т. 96. С. 288–314.

Одним из немногих исключений является книга С.Я. Гессена «Декабристы перед судом истории» (1926), где всесторонне представлены взгляды на 14 декабря на протяжении столетия. Исследователь привлекает официальные документы, труды историков изучаемого периода, мемуары, публицистику, художественную литературу. Отмечаются приливы и отливы общественного интереса к декабристам. Обращается внимание на разницу оценок их деятельности в зависимости от идейных пристрастий авторов¹⁸.

Комплексный подход при выборе источников, осуществленный Гессеном, был принят во внимание при определении источниковой базы данного исследования.

В масштабном исследовании Л.Г. Фризмана «Декабристы и русская литература» (1988) отражение декабристской темы рассматривается примерно на том же временном отрезке, что и в книге Гессена. Фризман ограничивает рассмотрение произведениями художественной литературы. Он не только обобщает накопленный советской филологией опыт «индивидуализирующих» исследований декабристских сюжетов в творчестве классиков русской литературы. Широко привлекаются произведения писателей «второго ряда». При таком подходе «авторские особенности» взглядов на 14 декабря уступают место «динамике» общественных представлений о декабристах в период 1825–1917 годов. Исследование, предпринятое Фризманом, доказывает, что художественная литература является чутким «барометром» общественного сознания¹⁹.

Опыт известного литературоведа был учтен при разработке структуры настоящего исследования. В нем неоднократно анализируются многочисленные произведения современных поэтов и прозаиков. Наиболее «показательные», с точки зрения современного состояния исторической памяти, художественные произведения и публицистические высказывания литераторов сгруппированы в главе восьмой диссертационного исследования.

Память о декабристах в общественном сознании постсоветского периода пока еще не становилась предметом монографического исследования. Единственной работой, где эта тема затрагивается, является книга американского слависта Людмилы Тригос «Декабристский миф в русской культуре» (2009). В краткой главе «Десакрализация декабристов в эпоху

¹⁸ Гессен С.Я. Декабристы перед судом истории (1825–1925). М.; Л.: Издательство Петроград, 1926. 296 с.

¹⁹ Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М.: Художественная литература, 1988. 304 с.

гласности и в постсоветский период» отмечается, что и после крушения СССР продолжил свое существование аллегорический подход к декабристам, присущий позднесоветской интеллигенции. С декабристами сравнивали руководителей ГКЧП (1991) и защитников Белого дома (1993) их сторонники. В «нулевые» годы лимоновские «национал-большевики» (2004) и участники «Другой России» (2008) также сравнивались с героями 14 декабря.

Отказ от коммунистической перспективы отразился и в разочаровании в «дворянских революционерах». В качестве примера таких настроений Тригос приводит повесть Михаила Кураева «Ночной дозор» (1988), «сиквел» толстовского эпоса «Война и мир», вышедший под названием «Пьер и Наташа» (1996), а также пьесу Камы Гинкаса «Декабристы» (1980, постановка 1995). Американский исследователь полагает, что преобладание в общественном сознании обыденного «десакрализованного» взгляда на декабристов грозит окончательно разрушить миф героев-мучеников 14 декабря.

Тенденцией первого десятилетия XXI века, по мнению Тригос, является дискредитация декабристов со стороны правительственной пропаганды. Это, возможно, приведет к переоценке значения мятежников 14 декабря в официальных хранилищах исторической памяти и даже полному их вычеркиванию из школьных учебников. Такой подход может произвести обратный эффект возрождения декабристского мифа в общественном сознании²⁰.

В небольшом по объему исследовании одной из основополагающих тем русской культуры Тригос не смогла отразить все аспекты проблемы памяти о декабристах. Ограниченная источниковая база ее монографии не раз приводила к спрямляющим толкованиям²¹. В этом смысле краткая глава, посвященная постсоветскому периоду истории декабристского мифа, не является исключением. В частности нельзя согласиться с ее выводом, сделанным на основе анализа нескольких далеко не самых показательных произведений художественной литературы о том, что спад

²⁰ *Trigos L.A.* The Decembrist Myth in Russian Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 181–186.

²¹ *Эрлих С.Е.* Очередное открытие американской славистики. Рец.: *Trigos, Ludmilla A.* The Decembrist Myth in Russian Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 239 pp. References. Index. ISBN 978–0–230–61916–6 // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VIII. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 491–510.

общественного интереса к героям-мученикам 14 декабря вызван в первую очередь крахом коммунистической идеологии. Расширение числа беллетристических источников приводит к иному взгляду на проблему, затронутую Тригос. Перемещение декабристов из центра общественного внимания на его периферию во многом обусловлено этическим кризисом, который в современных социальных условиях переживает образованная часть российского общества.

Уже отмечалось, что исследования исторической памяти во многих случаях сочетаются с мифологическим подходом. Научное понятие «миф» не тождественно обыденному пониманию этого слова как выдумки, не имеющей ничего общего с реальностью. Классик мирового религиоведения Мирча Элиаде разработал концепцию, которая применима не только к мифам традиционных религий, но и к мифам секулярного сознания Нового времени. По его мнению, миф — это священный образец, с которым соотносят свои действия верующие в миф люди.

Представление о декабристах как героическом примере, образце для подражания с давних пор свойственно русской культуре. Огромный вклад в создание этого мифа внес А.И. Герцен. Исследования мифологических представлений о героях-мучениках имеют давнюю традицию в декабристоведении, начатую еще М.Н. Покровским. После сталинского разгрома «школы Покровского» мифологический подход к герценовским «богатырям, кованным из чистой стали», ушел в тень²². Сегодня большинство исследователей декабристской темы считают, что герценовская концепция героического «примера» декабристов создана по образцам героических мифов древности²³. Она повлияла как на историческую память в целом, так и на историографию движения декабристов. Автор разделяет такой подход и использует его в своем исследовании.

²² Эрлих С.Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. С. 28–35.

²³ Бокова В.М. Апология декабризма // *Континент*. 1994. №4(82). С. 160–178; Ильин П.В. Между разговором и престолом: Я.И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 9–29; Киянская О.И. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г.). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. С. 118; Леонтьев Я.В. Декабристская легенда // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 года. Статьи и материалы. М., 1999. С. 172–176; Сафонов М.М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // *Средневековая и Новая Россия*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 529.

Обилие источников по рассматриваемой проблеме привело к необходимости ограничения их числа наиболее репрезентативными, позволяющими составить верное представление о динамике исторической памяти конца 1990-х — начала 2010-х годов. Автор разделяет положение о том, что «именно факт медиатизации памяти и ее включения, таким образом, в межличностные коммуникации и позволяет говорить о памяти как о социокультурном явлении»²⁴. В условиях формирующейся информационной цивилизации исчезают не только фольклорные («из уст в уста») каналы передачи исторической информации, характерные для аграрного общества. Печатная книга — один из символов индустриального общества также утрачивает значение главного носителя информации. Катастрофическое уменьшение книжного рынка, обусловлено, прежде всего, развитием интернет-технологий. Электронная пресса, включая интернет-СМИ, в том числе и имеющие печатные версии, превращается в главный инструмент формирования общественного сознания.

При выборе СМИ, публикации которых могут использоваться в качестве источников исследования, автор исходил из того, что декабристская тема исторически связана с интеллигенцией. Эта социальная группа сформировалась в середине XIX в. на основе этических принципов, сформулированных Герценом на примере декабристов. Образ благородных аристократов, принесших себя в жертву ради блага униженного и оскорбленного народа, является «основным мифом» — образцом для подражания нескольких поколений русской и советской интеллигенции.

При всем идейном многообразии интеллигенции позднесоветского времени ее ядро составляли те, кто стремился ко всесторонней европеизации. Под этим объемным понятием подразумевалась не только технологическая модернизация в духе Петра I и большевиков, но и реализация на деле нравственно-юридического комплекса «прав человека». В связи с этим можно полагать, что идеология интеллигенции, включая ее декабристский «основной миф», в современных условиях продолжает транслироваться в изданиях либерального направления.

Для «насыщенного описания» современного состояния интеллигентского мифа важно выбрать представительную и вместе с тем обозримую

²⁴ *Васильев А.* Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html>

источниковую базу. Таковой можно считать совокупность публикаций в либеральных (отстаивающих примат личности) «толстых журналах».

Задачу комплексного поиска упоминаний декабристов в «толстых журналах» позволяет решить грандиозный интернет-проект «Журнальный зал» (далее — ЖЗ)²⁵, насчитывающий порядка 50 000 электронных публикаций из примерно 3000 книг 36 журналов. В их числе издания, известные еще с советских времен («Волга», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Сибирские огни»), постсоветские проекты («Арион», «Вестник Европы», «День и ночь», «Дети Ра», «Критическая масса», «Новая русская книга», «Новая Юность», «Новый ЛИК», «Отечественные записки», «Уральская новь»), издания русской диаспоры («Зарубежные записки», «Зеркало», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Континент» (с 1993 и до закрытия в 2011 издавался в Москве), «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Слово\Word», «Союз писателей», «Студия»). В ЖЗ также представлены периодические издания «нон-фикшн»: «Вопросы литературы», «Логос», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение», «Старое литературное обозрение».

Перечисленные журналы, при всех идейных различиях, ориентируются на «персоналистские» ценности либерализма. В этих изданиях интеллигенция пишет для интеллигенции. На их страницах запечатлена актуальная интерпретация вечных ценностей «мыслящего сословия». Характеристики, даваемые декабристам в разделах «толстого журнала»: проза, поэзия, публицистика, документальные публикации, научно-популярные статьи, рецензии — позволяют с различных сторон оценить современное состояние базового мифа русской интеллигенции.

Удалось обнаружить около 1000 публикаций, где хотя бы один раз упоминается слово «декабрист», производные от него лексические единицы, а также его мифологические синонимы — «Сенатская площадь» и «14 декабря». Слово «декабрист» и производные от него упоминаются в публикациях ЖЗ более 2000 раз. Много это или мало? Для сравнения, другое, значимое для русской культуры и современное мятежникам 14 декабря, имя — «Пушкин» — упоминается более 14 000 раз. Такое соотношение приводит к выводу: декабристская тема не находится в центре внимания большинства авторов ЖЗ. Можно предположить, что во многих случаях она выступает частным сюжетом более значимой для

²⁵ URL: <http://magazines.russ.ru>.

наших современников темы Пушкина. Резкое падение интереса к декабристам особенно разительно смотрится на фоне неослабевающего внимания к солнцу русской поэзии. В советское время Пушкин рассматривался в качестве «друга декабристов», т. е. находился в смысловом поле 14 декабря. Перемена мест слагаемых мифа интеллигенции позволяет допустить, что память о декабристах ушла на периферию сознания образованного слоя.

Эти предположения подтверждаются распределением декабристских пассажей в публикациях ЖЗ. Можно выделить 5 основных тем:

1) Во многих публикациях речь идет о прошлом декабристского мифа, о том, как он функционировал в общественном сознании в царский и советский периоды русской истории. Наряду с наблюдениями современных исследователей в ЖЗ наличествует немало публикаций источников того времени (писем, дневников, мемуаров). Они свидетельствуют, каким образом память о декабристах влияла на рассуждения и даже поведение интеллигенции;

2) Герценовский миф представлен незначительным числом манифестаций. Часть из них созданы либо в советскую эпоху, либо их создатели рождены еще в сталинском СССР;

3) В ЖЗ часто встречаются попытки отделить «первое поколение» от последующих «поколений» революционеров, путем переключения декабристского мифа в умеренный «реформаторский» контекст. Существуют и христианские интерпретации 14 декабря. Представлены «конспирологическая» и православно-монархическая разновидности контр-мифа декабристов;

4) Кроме «основного мифа» русской интеллигенции, в ее сознании представлены и его производные: «Пушкин — друг декабристов», «узники сибирских руд», «жены декабристов». В публикациях ЖЗ активно осмысливается пушкинско-декабристская тема и, в значительно меньшей мере, два упомянутых «побочных» извода;

5) Едва ли не половину декабристских пассажей в ЖЗ можно отнести к реликтовым проявлениям мифологической составляющей. Это не только многочисленные «оговорки» подсознания — воспроизведение пропагандистских клише советского времени. К «фрейдовской» симптоматике относится и рационально не обоснованное встраивание самых разных повествований в контекст ленинского и герценовского мифов декабристов.

Ленинский миф «трех поколений» отпочковался от герценовского. В советское время он стал основой официальной памяти о декабристах.

В наши дни он продолжает свое существование в среде активистов и сторонников КПРФ. Источниками исследования памяти о декабристах в коммунистическом («советском») сегменте общественного сознания послужили публикации на официальном сайте КПРФ²⁶. На нем представлены не только публикации, исходящие от руководства российских коммунистов. Здесь, по привычке к «демократическому централизму», собраны также публикации региональных изданий партии. Такая концентрация пропагандистской продукции коммунистов позволяет получить всеобъемлющее представление об отношении к памяти декабристов не только со стороны штатных пропагандистов и руководства КПРФ, но также партийных функционеров регионального уровня. Широко использованы материалы газеты «Правда» — «центрального органа» КПРФ²⁷ и прокоммунистической «Советской России»²⁸. В этих изданиях декабристская тема представлена не только статьями журналистов, но и многочисленными «письмами трудящихся». Кроме того сайт «Советской России» открыт для комментирования статей. «Письма» и комментарии свидетельствуют о том, как декабристы воспринимаются в среде сторонников российских коммунистов. Избранная источниковая база позволяет детально охарактеризовать коммунистический сегмент памяти о декабристах.

Либеральный и коммунистический (советский) сегменты не исчерпывают идейный спектр общественного сознания. В постсоветский период большое влияние приобрели идеи православных монархистов. Без описания их представлений картина исторической памяти о декабристах будет неполной. В качестве источников использовались публикации сайтов «Богослов»²⁹, «Правая.ру»³⁰, «Православие»³¹, «Православная газета»³², «Радонеж»³³, «Русская линия»³⁴, «Русский восток»³⁵, «Русь-фронт»³⁶,

²⁶ URL: <http://kprf.ru>.

²⁷ URL: <http://gazeta-pravda.ru>.

²⁸ URL: <http://www.sovross.ru>.

²⁹ URL: <http://www.bogoslov.ru>.

³⁰ URL: <http://www.pravaya.ru>.

³¹ URL: <http://www.pravoslavie.ru>.

³² URL: <http://orthodox.etel.ru>.

³³ URL: <http://www.radonezh.ru>.

³⁴ URL: <http://rusk.ru>.

³⁵ URL: <http://rus-vost.irk.ru>.

³⁶ URL: <http://rusfront.ru>.

«Татьянин день»³⁷ и др. Состав авторов СМИ православно-монархической направленности убедительно свидетельствует, что представление о православных маргиналах-«хоругвеносцах» давно не соответствует действительности. Декабристские сюжеты на перечисленных сайтах то и дело затрагиваются в исторической публицистике и литературоведческих эссе, созданных усилиями большого отряда научных работников с кандидатскими и докторскими степенями всевозможных наук. Совокупность этих публикаций позволяет получить детальную картину православно-монархического среза памяти о декабристах.

³⁷ URL: <http://www.taday.ru>.

Часть I

ПАМЯТЬ И ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ

Глава I

КАК РАБОТАЕТ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ?

Тема памяти является одним из бурно развивающихся направлений исследований конца XX — начала XXI веков¹. Историков она интересует не в качестве психологической способности удерживать разнообразную информацию без опоры на внешние носители. В исторической науке под памятью понимается специфический фрагмент сознания — представления индивидов и групп о собственном прошлом.

В таком понимании память выступает одним из проявлений феномена времени. Социальное время не является «объективной», внешней сущностью. Оно не сводится к астрономическому времени лунных (неделя, месяц) и солнечных (день, год и т. д.) циклов. Субъективность времени очевидна зрителям спортивных состязаний. Для выигрывающей команды оно ползет. Для проигрывающей — летит.

В различных общественных условиях, у различных людей формируются различные образы времени. Можно выделить три его лика: традиция, прогресс, мода.

Космос традиции возникает из безвременья хаоса в начале времен. Боги и герои создают священные образцы для всех видов деятельности людей. Людская неосмотрительность приводит к «порче» священного оригинала. Возникает угроза хаоса. Восстановление космического образца осуществляется в ритуале жертвоприношения. Мир возвращается во «время оно» традиции.

В таком восприятии будущее тождественно прошлому «золотому веку». Жители островов Полинезии до сих пор считают, что «будущее — позади»². Хронологические «точки» событий замыкаются в круг, кольцо предопределенности. Неизбежность следования по кругу времени

¹ Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.

² Sahlins M. Islands of History. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 55.

подтверждается сельскохозяйственным циклом. В него было вовлечено подавляющее большинство людей аграрной цивилизации. Движение к изначальному космосу путем жертвенного преодоления хаоса настоящего именуется мифом. *Миф* «вечного возвращения» — прошлое (и главное) время традиции.

Страх перемен, благоговение перед божественными и героическими образцами проецируются на все сферы деятельности. Отсюда — устойчивость художественных приемов аграрных цивилизаций. В них отсутствует пафос новизны. Смысл творчества древнего мастера состоит в точном воспроизведении священного канона.

Время прогресса исходит из противоположного традиции постулата благодетельных изменений. Прошлое — не космос, но косность. Путь из темного прошлого в светлое будущее лежит через причинно-следственную цепочку благотворных *новаций*. Мифологический цикл размыкается в прямую линию прошлое-настоящее-будущее. Будущее — главное время прогресса³. Прошлое прогресса получило наименование *истории*. Она, наряду с будущим, осмысливается «в терминах прогресса»⁴. Современник эпохи «прогрессоров» Фридрих Ницше пишет об их мироощущении: «Всякое обращение к прошлому вызывает в них стремление к будущему»⁵.

Прогресс символично связан с *Новым* временем. Аналогично аграрной природе циклического мифа традиции вера в прямолинейный прогресс опирается на технологии индустриального производства. Новации стали мотором капиталистической конкуренции. Дух времени прогресса повлиял на искусство и литературу, опирающиеся на эстетику новизны.

Первые проявления инновационного подхода уходят в доиндустриальные времена. Они угадываются уже в мифе о Прометее. Его имя знаменательно переводится «мыслящий вперед» («предвидящий»). В нем выражен разрыв с задним умом традиции и ориентация в будущее. Титан из жалости к людям пожертвовал печенью, чтобы принести им технологию огня. В будущем (!) она «научит их искусствам всяческому», станет

³ Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. P.120. Cf.: Dubar C. Rev.: Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 258 p. // Temporalités. 2004. N 2. P. 130. URL: <http://temporalites.revues.org/794>.

⁴ Ханаева Д. Прошлое как вызов истории. Послесловие переводчика // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 300.

⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. М., Мысль, 1990. Т. 1. С. 166.

источником благодетельных новаций. Самопожертвование защитника людей от божественного произвола является символом поведения, противоположного людоедской традиции жертвоприношения. Пафос (огонь) Прометея был укоренен в религии самопожертвования, получившей от греков наименование христианства.

Исследователи античного мира считают, что все было наоборот: христианское самопожертвование было задним числом «вчитано» в миф «впередсмотрящего». С этим невозможно согласиться. Слова Прометея — «Жалел я смертных» — ключевые. Они свидетельствуют, что он был мотивирован не частными, а общими интересами, когда решился «противиться» планам Зевса «истребить людей»:

«Никто, кроме меня, тому противиться
Не стал. А я посмел. Я племя смертное
От гибели в Аиде самовольно спас.
За это и плачусь такими муками»⁶.

Альтруизм Прометея отрицать невозможно. Альтруистическое поведение — способность потратить на других свое время и силы — может рассматриваться как «повседневное» самопожертвование. Зевс, разгневанный «самовольством», заставил, вопреки предположениям «предвидящего», платить «такими муками». Назначив суровую плату, царь богов, во вред своему культу, сделал Прометея героем образцового самопожертвования. Запоздалые потоки олимпийской контрпропаганды («традиция осудительного изображения») стремились представить титана-мученика недалеким трикстером, движимым «злым обманом» (Гораций)⁷. Пропагандисты античного порядка «говорящих орудий» осознавали идеологическую угрозу бесчеловечному культу жертвоприношений.

Мотив чрезмерной платы, когда вопреки чаяниям героев палачи им делают биографию — общее место мифов самопожертвования.

Необдуманно поступили иудеи, когда отвергли предложение прокуратора пронести мимо скромного учителя чашу сию распятия. Русский царь совершил ту же мифологическую ошибку, когда повесил пятерых мятежников 14 декабря. Если бы он отправил их со товарищи в Сибирь, то символического тарана против самодержавия в виде культа декабристов

⁶ *Эсхил*. Прометей прикованный // Апт С.К. Античная драма. М.: Художественная литература, 1970. С. 87.

⁷ *Лосев А.Ф.* Прометей // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 452.

не возникло бы: «Тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения»⁸

Время прогресса закономерно развилось в смысловом поле христианской цивилизации, несущей в себе традицию самопожертвования древних греков. Франсуа Артог отделяет «христианский режим времени» от циклического времени традиции⁹. Христианство, с его напряженным ожиданием Второго пришествия, чревато прямой прогресса. В священных текстах отсутствуют недвусмысленные указания обстоятельств начала Страшного суда, на котором неведомым заранее образом будет решена участь каждого. Свобода воли и личная ответственность за поступки отвергают фатализм античного рока, судьбы. Кольцо предопределенности мифа вечного возвращения размыкается. Грядущее «христианского режима времени» не тождественно прошлому. Будущее приобретает статус ноциации.

Разрыв христианской «теории» с неизменностью традиции не отменяет традиционности ее «практик». В новые меха было залито старое вино аграрного общества в виде мифов-образцов. Средневековые небесные покровители всех видов земной деятельности успешно заменили древние пантеоны. По большинству параметров аграрное христианское общество столь же традиционно, что и предшествующие ему «языческие».

Христианская потенция «новации» была реализована во всей полноте при переносе ее в светское измерение индустриального общества. Артог справедливо увязывает торжество времени прогресса с крушением «старого порядка» в результате Великой французской революции. Необходимо уточнить, что *Ancien Régime* был не только феодальным по форме, но и аграрным по содержанию. Подразделять циклическое аграрное время на «мифологическое» античное и «христианское» средневековое нет оснований.

Сторонников прогресса не смущает, что революции и реформы приводят к обострению нужды и бедствий угнетенных классов. Многолетнее умножение страдания рассматривается как жертвенная инвестиция,

⁸ Герцен А.И. Русский заговор 1825 года (извлечено из «Бюллетеня международной ассоциации») // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 143.

⁹ Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. P.13. Cf.: Dubar C. Rev.: Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 258 p. // Temporalités. 2004. N 2. P. 130. URL: <http://temporalites.revues.org/794>.

самоотречение ради счастья будущих поколений. Данный подход присущ не только левым проектам. Протестантская этика стяжания парадоксальным образом также была самопожертвованием, подвигом усмирения плоти во славу Божию. Самоотверженный труд, мотивированный верой в свое «призвание» — «свидетельство самопожертвования человека во имя Бога»¹⁰.

Идея самопожертвования во имя прогресса была опровергнута неисчислимыми жертвоприношениями «слева» и «справа» в XX в.¹¹ Разум, породивший промышленные средства массового уничтожения, нанес сокрушительное поражение идее прогресса. Крах проекта Просвещения не повернул время вспять к мифу «вечного возвращения». Произошла очередная «темпоральная» новация. Время остановилось.

Пророком утраченного времени стал Мишель Фуко. Его «*Археология знания*» (1969) обозначила проблему победы настоящего над прошлым и будущим¹². Франсуа Артог продолжает традицию соотечественника. Он считает, что закат футуризма прогресса наметился в середине прошлого века. Начало «сосредоточенности на настоящем» усматривается в мироощущении экзистенциалистов. Символом «вездесущего презентизма» выступает «*Тошнота*» Альбера Камю¹³.

Время моды переиначивает смысл расширенного воспроизводства эпохи модерна. Целью становится не истовый труд земного самоотречения ради будущего, а хищническое престижное потребление. Быть модным — быть современным, жить настоящим. Жить по-настоящему — потреблять здесь и сейчас: «Слово “современный” несет какую-то грандиозную поэзию потребительской бессмыслицы»¹⁴. Настоящее — главное время моды: «Бесконечное настоящее, не имеющее ни прошлого, ни будущего, но само

¹⁰ *Зень С.Н.* Протестантизм как предпосылка капиталистического духа в теории М. Вебера // *Материалы Международной научной конференции «Христианские ценности в современной культуре (к 2000-летию Христианства)»*. Минск: ITS UP Gama-5, 2001. Ч. 1. С. 75.

¹¹ *Ханаева Д.* Прошлое как вызов истории. С. 315.

¹² *Фуко М.* Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.

¹³ *Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. P. 200, 123. Cf.: *Dubar C.* Rev.: *Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 258 p. // *Temporalités*. 2004. N 2. P. 130–131. URL: <http://temporalites.revues.org/794>.

¹⁴ *Драгунский Д.* Эффективная мораль // Газета. 2014. 27 августа. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/6191225.shtml>.

создающее свое собственное прошлое и будущее, остается единственным «временем» истории»¹⁵.

Пьер Нора фиксирует переход 1970-х от производящей «нации-проекта», основанной на героике самопожертвования, к потребительской «нации-наследию»¹⁶. Понятие общего духовного «наследия» нации возникло в результате целенаправленного расширения исходного материального «частнособственнического» смысла. До пропагандистской кампании «Года наследия» (1980) подавляющее большинство французов воспринимали его в практическом духе «наследства» гражданского права¹⁷.

Пафос плотского наслаждения исключает жертвенное страдание. Мода — безжертвенна. Это не означает, что в модном обществе отсутствуют жертвоприношения «морлоков». Гекатомбы «третьего мира» исключаются из поля зрения прекраснотушных «алоев». Лицемерный мир моды напоминает чувствительную дамочку. Она смакует «мраморное» мясо, но падает в обморок при виде сцены забоя скота.

Мода — эклектична. Она смешивает черты традиции и прогресса. Ей присущи новации «последнего крика» вместе с традиционными циклами «сезонов». Традиция возрождается и путем нового — хорошо забытого старого «ретро», «винтажа». «Двухосновность» моды не имеет ничего общего с гегелевским «синтезом». Кольцо традиции и прямая прогресса не совмещаются в векторе «спирали». «Точки»-события, не связанные более в линию причин и следствий, рассыпаются на плоскости настоящего: «В нашем времени нет больше места истории, основанной на непрерывности и необратимости времени»¹⁸.

«Прошлое больше не является гарантом будущего»¹⁹. Общество, живущее настоящим, в страхе перед будущим трансформирует необратимую историю в податливую («пластичную») память. «Пластмассовая» *память* — прошлое время моды.

Модные искусство и литература, так же как их предшественники эпох традиции и прогресса, уподобляются духу своего времени — времени эклектики. «Новации» сводятся к игре в стилизацию культурных образцов

¹⁵ Хапаева Д. Прошлое как вызов истории. С. 305.

¹⁶ Нора П. Эра коммемораций // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 142.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Хапаева Д. Прошлое как вызов истории. С. 303.

¹⁹ Нора П. Эра коммемораций. С. 143.

близких и далеких времен, собственного и экзотических народов. Калейдоскопическая смена стилей не отменяет того, что «современное искусство» паразитирует на традиции. Образцы, священные для художника традиционной эпохи, под влиянием нашего безжертвенного времени воспроизводятся с лукавым прищуром циника, который зарабатывает на моде осмеяния поверженных святых.

Существует соблазн увязать, по аналогии с аграрной традицией и индустриальным прогрессом, время моды с наступающей информационной цивилизацией.

Не считаю, что мода принадлежит эпохе информации. Предполагаю, что период безжертвенного «конца истории» характеризует не начало новой эры, а финал уходящей индустриальной цивилизации.

Подобные эпохи деморализации существовали и ранее. Можно вспомнить софистов времен упадка древнегреческого полиса. Теоретики французского постструктурализма не случайно усматривают связь времен моды на «дискурс» с античной проповедью условной морали. Сходные процессы нравственной деградации переживала поздняя Римская империя, утратившая веру в отеческих богов и не обретшая души Христа.

Информационную цивилизацию, по моим представлениям, будет отличать не безжертвенность, а повседневность самопожертвования. Героическое отречение от жизни — символический предел самопожертвования. В повседневности достаточно менее радикальных форм личной жертвы для общего блага. Речь идет о способности отдать ради интересов общества свое «кровное» — время, деньги, труд, творчество. Эта благородная способность, свойственная многим представителям русской интеллигенции, утрачена в безжертвенную эпоху моды.

Существуют два исхода кризиса идентичности, который переживает европейская, включая Россию, христианская по происхождению цивилизация самопожертвования: либо она будет поглощена современными цивилизациями жертвоприношения, прежде всего исламом, либо найдет силы соединить традиционные основы самопожертвования, идущие от Прометея, Сократа, Христа, с новациями информационной цивилизации.

Традиция жертвоприношения, самопожертвование прогресса, безжертвенность моды отличаются главным временем, определяющим смысл каждой из трех «темпоральностей». Для замкнутого круга традиции — это прошлое. Для прямой линии прогресса — будущее. Для плоскости моды — настоящее. Особенности традиции, прогресса и моды формируют собственное прошедшее время: миф, историю, память.

Последняя триада может быть соотнесена с монументальной, критической, антикварной формами истории Фридриха Ницше²⁰.

Понятию монументальной истории он придает смысл священного мифологического образца: «Что однажды помогло развернуть и наполнить еще более прекрасным содержанием понятие “человек”, то должно быть сохранено навеки, чтобы вечно выполнять это назначение».

Критическая история может быть сопоставлена с прошлым временем эпохи прогрессивных новаций. Она рассматривается как освобождение путем «разрушения прошлого», как стремление оторваться от наследия «прошлых поколений». Косная традиция «заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений» предков преодолевается через «новую привычку, новый инстинкт».

«Антикварное чувство» времени, которое воспринимает прошлое «слишком близко и слишком изолированно», схоже с характеристиками памяти. Не только с ее «близкодействием», но и с утратой «связи времен», ведущей к изоляции событий друг от друга.

Даже на пике прогресса историописание включало в себя свойства мифа и памяти. В то время они были вовлечены в поток истории и подчинялись ее правилам. Не случайно Ницше рассматривает монументальный и антикварный подходы в качестве «родов» истории.

Ницшеанская «тройственность родов истории» свидетельствует, что различные образы времени часто сосуществуют не только в одном обществе, но и в одной голове²¹. В «привязке» традиции и прогресса к, соответственно, аграрной и индустриальной эпохам, моды — к переходу от индустриального к информационному обществу речь идет о *преобладающем* «духе времени».

Необходимость сопоставлять преходящую моду с полноценными эпохами традиции и прогресса шокирует. Дело не только в несоразмерности объективных параметров. Сказываются и различные уровни изученности трех феноменов. Над осмыслением традиции и прогресса бились лучшие умы человечества. Понятийный аппарат этой «бинарной оппозиции» тщательно продуман. Мода воспринимается как нечто недостойное внимания серьезных людей. Отвращение, которое модная суета сует порождает среди умудренных многознанием исследователей, можно понять и разделить.

²⁰ Благодаря Никиту Соколова, обратившего мое внимание на близкий подход Ницше.

²¹ *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. С. 169, 178, 176.

Время, пошлей которого давно не было, — наше время: «Тирания памяти продлится лишь некоторое время — но это время и есть наше»²². Для преодоления «тирании» необходимо осмыслить природу нашего времени. Включить в связь традиционного и прогрессивного времен. Найти общее основание. «Базисом» является жертва. Ее ритуал — время. Жертвоприношением время движется по кругу традиции. Самопожертвованием — по прямой прогресса. Безжертвенность моды приводит к безвременью — смерти индустриальной цивилизации. Сменится ли конец истории и прогресса временем информационной цивилизации? Зависит от наших усилий.

Потребительский пафос моды приводит к тому, что память становится способом «приватизации» прошлого, превращения его в «наследие». «Мое» («наше») наследие, на котором базируется идентичность — «солидарность с самим собой», образует ядро памяти: «Идентичность, память, наследие — три ключевых слова современного сознания»²³. Память об индивидуальной и «малогрупповой» (семья, род, различные коллективы) идентичностях строится «снизу». Алейда Ассман именуется «память “снизу”» — «многоголосой социальной памятью». Ей противопоставлена «более унифицированная конструкция», именуемая «политической» или «национальной» памятью. Она «сверху» навязывает индивиду идентичность с так называемыми «большими группами» или «воображаемыми сообществами» (Б. Андерссон): нацией, конфессией, классом и т. д.²⁴

Понятие «политической памяти» не является общепринятым. Оно позволяет сосредоточиться на борьбе между правительственной и оппозиционной разновидностями памяти «сверху», направленной на удержание (завоевание) власти. Действия государства в отношении прошлого описываются устоявшимся термином «политика памяти»²⁵. «Национальная память» отражает консенсус, достигнутый в борьбе власти и оппозиции за историческую картину мира. В дальнейшем «унифицированная конструкция» памяти «сверху» будет, в зависимости от контекста,

²² Нора П. Эра коммемораций. С. 148.

²³ Нора П. Эра коммемораций. С. 144.

²⁴ Ассман А. Длинная тень памяти: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 35.

²⁵ Миллер А.И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 45–46.

обозначаться терминами: «политическая память», «политика памяти», «национальная память».

Социальная память «низов» не является «суверенной». Агенты политической памяти навязывают массам выгодные власти или оппозиции представления. До недавних пор передача «крамолы» жизненного опыта, отличного от «генеральной линии» политики, могла осуществляться только шепотом за плотно затворенными дверьми в семейном или дружеском кругу. Такой режим социальной памяти был присущ не только «авторитарным» и «тоталитарным» режимам. В самых демократических странах до середины XX в. преобладал политический дискурс. Он определял характер исторических исследований. История писалась преимущественно по материалам государственного происхождения.

Сегодня для выхода социальной памяти «из подполья» создан публичный канал устной истории. В публикационный процесс широко вводятся и давние тексты «низового» происхождения. Монополия политического подхода все больше нарушается исследованиями истории масс и меньшинств.

Демократизация оптики исторической науки не означает, что «верхи» не влияют на представления «низов». Социальная память по-прежнему находится под контролем политики памяти. Для управления нет нужды постоянно прибегать к массовым репрессиям. Достаточно господства над историческим дискурсом масс: «Кто управляет прошлым, <...> тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»²⁶.

В устройстве памяти мы наблюдаем «эффект реляции», описанный Л.Н. Толстым. В пылу боя его участники получают разрозненные впечатления. Они не выстраиваются в целостную картину. Хаос индивидуальной памяти кристаллизуется после появления официального отчета о сражении. Он становится литературной основой клишированных рассказов ветеранов. Память пронизана подобными «реляциями». Они радикально «обобщают» ограниченный личный опыт. Рассказчики убеждены, что делятся «прочувствованным и пережитым». Исследователям не всегда удается установить, что в воспоминаниях современников — «сырой жизненный материал», а что — повторение пропагандистской «реляции»²⁷.

²⁶ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 41.

²⁷ Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1955. Т. 16.

«Презентизм» памяти современной европейской цивилизации выражается в том, что ее тематическое ядро ограничивается опытом старшего из живущих поколений. В наше время хронологический предел образует Вторая мировая война. В России она символизируется самопожертвованием Победы. В Германии — жертвоприношением Холокоста. Влияние могучих «архетипов», подкрепленных в ряде стран мемориальными законами, указывает, что эффект присутствия в настоящем свидетелей прошлого не гарантирует аутентичности. Нет оснований полагать, что память состоит пусть из пристрастных, но непосредственных впечатлений

Сказанное в еще большей степени относится к памяти о событиях, лишившихся живых свидетелей.

В бесписьменные эпохи присутствовала традиция передачи из уст в память. Для предохранения от «порчи» сообщения облекались в стихотворную форму, усиленную консервантом мелодии. Сегодня эту традицию именуют «фольклором» — «живым творчеством масс». Не стоит обольщаться уверенностью, что мы имеем дело с «гласом народа». Есть равные основания полагать, что из глубины веков к нам в анонимной форме дошла «овладевшая массами» пропаганда «верхов».

Фольклорный, далеко не аутентичный канал «низовой» связи с прошлым утрачен в эпоху всеобщей грамотности. Массовые представления о событиях, предшествующих жизни поколения «дедов», сегодня внедряются через пропагандистские каналы образования, литературы, искусства и, в огромной степени, всепроницающих СМИ.

Память о прошлом противоположна психологической памяти, лишенной внешних подпорок. «Исторические» представления постоянно освежаются извне «сигналами» агентов политики. Память в прямом смысле является политикой, обращенной в прошлое. Это и продукт, и инструмент политики. Обходным путем памяти власть и оппозиция времени моды воздействуют на ментальные структуры, ответственные за политические аспекты мировоззрения.

Мировоззрение — это сплав личного и общественного опыта. В его составе можно выделить несколько уровней — от поверхностных гипотез-допущений до глубинных аксиом-убеждений. Убеждения — сердцевина мировоззрения, предписывающая определенные действия в качестве реакции на значимую для личности ситуацию. Действия не являются

С. 11. Ср.: *Экитут С.А.* Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетей, 2008. С. 130.

импровизацией. Они выступают вариацией того или иного священного, воспринимаемого со страхом и трепетом, «нуминозного» (Р. Отто) образца. Убеждения — священные образцы социально значимых действий.

Из какого источника священные образцы проникают в сознание?

Для аграрного общества традиции основным источником является религия. Религиозные мифы представляют образцы «правильного» поведения во всех сферах общественной жизни: «Мы должны делать то, что совершали боги в начале времен» (Шатапатха-брахмана, VII, 2, 1, 4)²⁸.

В индустриальных обществах прогресса традиционная религия и ее священные образцы отходят на второй план. Люди не начинают действовать исключительно по своему разумению. Не только вера без дел мертва, но и дела без веры нежизнеспособны. Специфика рода человеческого не в мышлении, а в искренней вере. На смену «вере отцов» приходит религия будущего — социальная мечта утопии.

При переходе к информационной цивилизации утопия отошла даже не на второй план. В результате кризиса либерального и краха коммунистического вариантов проекта Просвещения проектное социальное мышление, основанное на «инстинкте нового»²⁹, утратило свое влияние в еще большей степени, чем традиционная религия. Настоящее время моды неспособно помыслить будущее в гораздо большей степени, чем прошлое. Имитационная природа моды не чужда архаике традиции, но враждебна футуризму прогресса.

Соблазнительная религия моды не способна обеспечить эффективную для выживания общества картину мира, поскольку моделирует его исключительно в аспекте престижного потребления. Потребление ограниченно-материального ресурса неизбежно оживляет этику саблезубого тигра. Если бы мир держался исключительно на ценностях моды, он превратился бы в звериное царство войны всех против всех.

Для поддержания минимальных стандартов солидарности обществу необходимы образцы самоотверженности, предпочтения общественных интересов соображениям личной корысти. Эти священные образцы сегодня предоставляет в основном прошлое настоящего — память. Правительство рассматривает политику памяти в качестве вольтеровской моральной узды народа. Она позволяет обеспечить собственное необузданное потребление.

²⁸ Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: Алетей, 1999. Т. 2. С. 334.

²⁹ Нора П. Эра коммемораций. С. 122.

В современном обществе память приобретает статус «политической религии»³⁰. Она занимает то место священного фундамента мировоззрения, которое в Средние века Европы отводилось христианству. Трансформация ментального «базиса» преобразует под себя все остальные разделы мировоззренческой «надстройки». Для укрепления власти любой политической режим пытается создать картину прошлого, которая оправдывает настоящий порядок вещей: «Память <...> — управление прошлым в настоящем»³¹. Власть над памятью — залог легитимности правительства эпохи информационной цивилизации. В жарких боях за будущее прошлое используется в качестве одного из наиболее действенных видов оружия.

Политическая память, навязываемая «верхами», сочетает признаки истории-новации и традиции-мифа.

События прошлого мелькают в СМИ времени моды с головокружительной частотой. Мимолетность «исторического» дискурса порождена погоней за неустойчивым вниманием потребителей рекламы. «Новации» памяти не связаны причинно-следственными связями прогресса. Они группируются, как элементы калейдоскопа, игрой случая.

Общеизвестна «ахрония» детей времени моды. Ученики путают Великую отечественную с Отечественной войной 1812 года. Блокаду Ленинграда с осадой Трои. «46% студентов-журналистов МГУ и ВШЭ не смогли ответить, какая революция была раньше — Октябрьская или Февральская». На вопрос: «В каком году и чьим указом основан МГУ?», — сумели ответить 14% участников опроса, обучающихся в данном вузе. Ответ продемонстрировал не только отсутствие банальной эрудиции. Студенты ведущего учебного заведения страны в значительной мере утратили «чувство истории»:

«В ответах никак не соотносились между собой год и император: человек мог одновременно назвать Александра I и 1367 год. Разброс дат был от “1230 какой-то” до “1800 какой-то”, а авторство указа приписывали Петру I, Екатерине I и Екатерине II, Ломоносову, Шувалову, Александру I, Николаю I и даже Сталину»³².

³⁰ *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 86.

³¹ *Нора П.* Как писать историю Франции? // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 84.

³² *Беляева А., Иванецкая А.* Мэром Москвы до Лужкова был Березовский, настоящая фамилия Сталина — Бронштейн // Большой город. 2014. 9 января. URL: http://bg.ru/education/merom_moskvy_do_luzhkova_byl_berezovskij_nastojasc-20868/.

Утрата способности различать события прошлого вызвана не только ухудшением качества образования. Во многом она порождена «плоской» картиной модного времени. В сознании школьников и студентов отсутствует хронологическая прямая прогресса, вбитая в наше сознание в советское время идеологией «светлого будущего».

Псевдоисторическая форма калейдоскопа «новаций» не способна укрыть имитацию традиционных мифологических представлений. В дизайне моды миф традиции теряет ответственность слова, подтвержденного ритуалом жертвы³³. Имитация подвига, героическая поза становятся приметами времени. Безжертвенность модных имитаторов, — как «солдат империи», так и оранжевых революционеров, лишает их способности создавать послание, в котором не сквозило бы презрение к «непродвинутым» потребителям жертвенной пропаганды. «Электорат» чувствует фальшь. Недорогие «россияне» покорно поддакивают: «подданные» — власти, «граждане» — оппозиции. Но никто ничем жертвовать не собирается. Зашкаливающие рейтинги виртуальной «поддержки», так же как и беснование противников «кровавого режима» — слова, слова, слова...

Политическая память принципиально отличается от исторического представления прошлого. История стремится без гнева и пристрастия нанизать на причинно-следственные нити *времени* все события без исключения. В отличие от истории-энциклопедии, память — это хрестоматия, избранные деяния предков, разнесенные на полюса греха и святости религиозного *пространства*. Название грандиозного проекта «*Места памяти*» точно передает «ахронию» исследуемого предмета³⁴. История делает акцент на изменениях. Память — на неизменности, на том «в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченный процесс, как вечный закон»³⁵. По мнению Мирчи Элиаде, хранение в общественном сознании священных образцов «для всех важных видов человеческой деятельности» — основная задача мифологии³⁶. Политическая память — это *mythistory*³⁷, псевдоистория, увиденная глазами имитации героического мифа.

³³ Эрлих С.Е. Своевременность жертвы. Футуристория культуры // Новый мир. 2011. № 12. С. 120–138.

³⁴ Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.

³⁵ Ключевский В.О. Записная книжка // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. IX. С. 375.

³⁶ Элиаде М. Трактат по истории религий. С. 324.

³⁷ Mali J. Mythistory: The Making of a Modern Historiography. Chicago: University Of Chicago Press, 2003. 354 p.

Глава 2

ПАМЯТЬ КАК ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ

Черно-белая однозначность политической памяти обусловлена тем, что в ее основании лежит мифологема битвы добра со злом, так называемый «основной миф» — поединок божественного героя с демоническим противником¹.

Критики считают, что «основной миф» не работает на древнерусском материале. Они полагают, что конфликт Перуна и Велеса (Волоса) не подтверждается источниками². Даже если критика справедлива, она не отрицает наличия в русской культуре влиятельных «архетипов» героического поединка светлого «верха» и темного «низа».

Бой не на живот, а на смерть между Иваном-царевичем и Змеем Горынычем запечатлен в нашей памяти в качестве главного сказочного образа. Основоположник структурной филологии В.Я. Пропп доказал, что русские сказки имеют единый порядок сюжетных ходов³. Позже выяснилось, что по той же формуле устроены волшебные сказки всех времен и народов. Каким образом объясняется это неслыханное сходство во всем остальном разительно отличающихся культур?

Вальтер Буркерт считает, что происхождение данного феномена выходит за рамки культуры. Сюжетное тождество сказок народов мира вызвано тем, что в них воспроизводятся биологические программы пищевого и сексуального поведения. Поведение крысы, направляющейся из своей норы на поиски пропитания и возвращающейся с тяжелой добычей назад,

¹ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: (Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов). М.: Наука, 1974. 342 с.

² *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. С. 58–65.

³ *Пропп В.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

подвергая себя по этой причине серьезным опасностям, полностью укладывается в алгоритм волшебной сказки⁴.

Исключительное внимание, отводимое бою за добычу (в том числе и за красну девицу) с могучим противником, превращение его в апофеоз повествования — это редактирование генетически унаследованного алгоритма средствами культуры. Вспомните, как в детстве наступал «катарсис» — радостное расслабление, в момент, когда в сказке говорилось о победе героя над чудовищем. После того как возникала уверенность, что возвращение героя с добычей домой — это ничем не омрачаемый хэппи-энд, оказывалось, что сказке еще далеко не конец, и добру молодцу предстоит преодолеть не одно опасное препятствие.

Героический «основной миф» — это волшебная сказка, от которой отсеки лишнее. Лишнее с чьей точки зрения? На этот вопрос легко ответить, обратив внимание на разные установки двух феноменов. Задача мифа заключается в воспитании решимости вступить в бой за добычу. Сказки — умения вернуться с добычей домой. Сказка отражает интересы индивида. «Основной миф» — вида, в действительности — интересы тех, кто индивидами правит. По этой причине «заветные» сказки тайком передаются самим народом. Героический миф ему навязывается народными вождями в качестве божественной воли.

«Основной миф» — уловка, при помощи которой господствующий слой овладевает массами. В процессе сокращенного перевода биологической программы на язык культуры производится скрытая подмена исходного смысла выживания индивида. В героическом мифе сохраняется только первая часть волшебной сказки — добывание. Цель жертвоприношения достигается средствами самопожертвования. Готовность жертвовать жизнью за «отечество» («отчизну»), в буквальном значении этого древнерусского юридического термина, за «отчину» («вотчину»)⁵ — наследственные владения «батюшки-царя» и его «бояр», выдается за выражение глубинных чаяний народных масс.

В подмене смысла «наследственного» понятия «отчина» («отечество») осуществляется та же страгегема, что и в сакрализации самого понятия

⁴ Burkert W. *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*. Cambridge; Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996. P. 58–63.

⁵ Отчизна // *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1988. Вып. 14. С. 64; Отечество // *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М.: Русский язык, 2000. Т. 6. С. 314.

«наследство» («наследие»). Интересы верхов представляются как общие интересы. Мифологический «царь Додон» настолько сливается с отечеством, что хранить ему верность предписывается *несмотря-ни-на-что*: глупость, жестокость, воровство, пьянство. В сознание внедряется софизм: «Служа отчужденному государству, служишь собственной стране».

Неоспоримая идеологичность «основного мифа» ставит под сомнение укоренившееся представление о памяти как фольклорном способе передачи информации о прошлом. Память — это продукт постоянного переписывания истории победителями, в том числе и в пропагандистской войне.

Инерционный характер психики приводит к сопряжению различных хронологических пластов. В них сосуществуют порой взаимоисключающие представления об одних и тех же делах давно минувших дней. Работая с геологическими слоями памяти, не стоит искушаться объяснением, что «бинарные оппозиции» в отношении героев истории порождены синкретизмом «пралогического мышления» наших предков. Возможно, это не столько продукт «диалектической» народной мысли, сколько разновременные пропагандистские штампы, навязанные массам.

Пьер Нора считает, что представления крестьян составляли фундамент социальной памяти европейской цивилизации. Разрушение крестьянского мира привело к исчезновению «естественной» памяти⁶. В действительности «низовая» память не исчезает. Она качественно изменяется.

Героический миф отсекает вторую половину волшебной сказки — выживание. Гламурная власть времени моды профанирует готовность к самопожертвованию. Политическая память «верхов» — имитация «основного мифа». Социальная память современных «низов» представляет симметричный ответ на имитационный вызов правительственной пропаганды. «Народ» редактирует сказку в противоположном мифу смысле. Ампутируется первая половина — добывание, где жертвоприношение осуществляется ценой самопожертвования.

Безжертвенная «народная мудрость» эпохи моды сводится к циничному тосту: «Чтобы у нас все было, но нам за это ничего не было». Пафос социальной памяти сосредоточен на том, как избежать участи жертвы, как не стать объектом жертвоприношения: «Выживание — главная <...> ценность для рассказчиков» устной истории. В неотлакированной цензурой «окопной правде» мотив индивидуального выживания преобладает над

⁶ Хапаева Д. Прошлое как вызов истории. С. 297.

жертвенным добыванием общей победы: «На первый план <...> выходят не победы на трудовом и военных фронтах, а страдания людей от голода и от насилия»⁷. Воспоминания жертв многообразных репрессий почти исключительно сосредоточены на стратегиях выживания: «В лагере ужасно хотелось выжить, и порой возникала мысль: неужели мои принципы важнее выживания?» (М. Калик)⁸.

Редакция волшебной сказки, осуществленная социальной памятью европейской (христианской) цивилизации эпохи перехода к информационному обществу, порывает с представлениями собственной традиции. Наши деревенские предки понимали, что добыча сопряжена с риском утраты жизни. Понимают это и представители ислама. Ради добывания объекта жертвоприношения они не останавливаются перед самопожертвованием. «Архаика» традиции увеличивает шансы мусульман в конкуренции с представителями постхристианского мира моды.

В плане безжертвенности brutальный «русский мир» мало чем отличается от третируемой им изнеженной Европы. Российские «низы» и «верхи» в одинаковой мере сосредоточены на стратегиях индивидуального выживания.

«Чистая» физиология угрожает идеологизированной «биологии» героического мифа. «Верхи» осознают опасность, которую несут их власти «хватательные рефлексy» социальной памяти.

Политика памяти новой России направлена против тенденций, разлагающих народную солидарность. Поток «гулаговских» воспоминаний эпохи разрушительной перестройки уже во второй половине 1990-х был отодвинут на периферию общественного сознания. Тема самопожертвования ради победы над германским нацизмом затмила «упадочные» мотивы выживших в сталинской мясорубке.

На фоне российской героической пропаганды официальный германский плач о жертвах Освенцима может быть воспринят как «демократизация» государственной политики памяти, ее отождествление со стратегиями выживания памяти социальной. Алейда Ассман признает, что и в данном случае репрессируются низовые представления о прошлом. Их «редактура»

⁷ Прусс И. Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки // Память о войне 60 лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 216, 213–214.

⁸ Россоховатская Д. «Миша, тебя арестуют» // Jewish.ru. 2014. 5 сентября URL: <http://www.jewish.ru/culture/cinema/2014/09/news994326038.php>.

предписана победителями во Второй мировой войне. В немецком обществе то и дело прорывается «рессентимент» по поводу насаждаемой сверхвины за Холокост. По семейным каналам транслируется отнюдь не раскаяние в жертвоприношении без самопожертвования, совершенном немцами. Приватная память сосредоточена на стратегиях выживания на алтаре победителей Германии: бомбежках немецких городов, ужасах русского плена, насилиях оккупантов, трагедии изгнанников с аннексированных германских территорий⁹.

Фактическое поражение многолетней политики памяти ФРГ свидетельствует, что конформная с виду социальная память не подобна воску. Воздействие «сверху» ограничено «частнособственническими» интересами «низов». Гордость за обретение добычи общими усилиями («Спасибо деду за Победу!») с ними совмещается. Стыд за ее совместную утрату («Как писать стихи после Освенцима?») — нет.

Связь мифа с биологией объясняет его преимущество в споре с доводами «чистого разума» исторической науки — продукта верхних отделов головного мозга. Миф начинается из подвала гипоталамуса — одной из наиболее древних частей мозга, ответственной за сексуальное и пищевое поведение¹⁰. Оттуда он пронизывает вышележащие слои психики. Нелучайно в самых ранних вариантах «основного мифа» битва ведется либо за женщину, либо за стадо коров. Благодаря укорененности в физиологии мотив священной битвы с демоническим противником обладает непреодолимой силой воздействия: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов» (К.Г. Юнг)¹¹. Даже в тех случаях, когда героический «основной миф» обращается к прошлому, он является программой — политической, устремленной в будущее.

Политическая память ни в коем случае не является суммой мифов. Это всегда один и тот же «основной миф». Мирча Элиаде отмечает, что в памяти преходящие исторические герои заменяются устойчивыми архетипами, а противоречивые исторические события — однозначными

⁹ Ассман А. Длинная тень памяти. С. 197–221.

¹⁰ Новиков В.С., Горанчук В.В., Шустов Е.Б. Физиология экстремальных состояний. СПб.: Наука, 1998. С. 188.

¹¹ Цит. в переводе Сергея Аверинцева: Аверинцев С. Архетипы // Аверинцев С. Собр. соч. Киев: Дух и литера, 2006. Т. 3. С. 69. Ср.: Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы // Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 37–60.

мифическими категориями, вроде борьбы с чудовищем¹². Память — неизменная алгебраическая формула. «X» героя и «Y» его противника принимают имена участников переходящих событий. От смены значений смысл непримиримой битвы не на жизнь, а на смерть не меняется. Отношение элементов формы является истинным содержанием мифа.

Исходный «X» всех времен и народов — это небесный громовержец, а «Y» — его пресмыкающийся противник: змей, дракон и прочие гады. В различных культурах вечный конфликт священного верха и дьявольского низа получил различные воплощения.

Для христианских народов, и Россия тут не исключение, «основной миф» воплотился в поединке святого рыцаря Георгия с драконом. В нашей стране образ Победоносца со времен московских князей актуализирован в главном символе власти — государственном гербе. Русский правитель (князь, царь, император, генеральный секретарь, президент) — всегда святой рыцарь. Он борется со змием внешних врагов и внутренней измены.

Миф власти долгое время лишал ее противников символической опоры в общественном сознании. Единственным средством обрести благородный рыцарский образ и, тем самым, получить массовую поддержку было самозванство «лжедмитриев» и их последователей. Иван Болотников и Степан Разин представлялись воеводами «воскресших» царевичей, соответственно Дмитрия и Алексея. Емельян Пугачев выступал против своей «супруги» Екатерины II под именем Петра III. Даже декабристы, проникнутые новомодными идеями, были вынуждены применять традиционный прием самозванцев — выводить солдат на площадь под предлогом сохранения присяги «законному» императору Константину.

Показательна неудачная попытка руководителя «южного бунта» Сергея Муравьева-Апостола обойтись без самозванческого «прикрытия». Он пытался внушить солдатам ветхозаветную идею, что народ имеет право на восстание против неблагочестивого правителя. Призвав выступить против царя, мятежный подполковник лишился в глазах подчиненных авторитета представителя богоданной власти. Солдаты вышли из-под контроля. Военная революция превратилась в пьяный разгул «шайки разбойников». Решение «Апостола Сергея» вести «обреченный отряд» по открытому полю прямо

¹² *Eliade M. Comentarii la Legenda Meşterului Manole. Bucureşti: Humanitas, 2004. P. 23.*

на пушки правительственных войск явилось жестом отчаяния, стремлением положить конец ужасу мятежа без царя в голове¹³.

Контр-миф власти, миф оппозиции, борющейся за власть, создан гениальным мифотворцем Александром Герценом. Он избавил мятежников от необходимости привлекать народ обманными утверждениями, что они действуют от имени истинного царя. Издатель *«Полярной звезды»* поступил с гениальной простотой — он перевернул мифологические образы. Императору Николаю I приписал чудовищные свойства. Его противников-декабристов представил в виде святых рыцарей, «богатырей, кованных из чистой стали». Благодаря символическому перевороту древняя конструкция «основного мифа» заработала на новый мятежный лад.

Герцен не только лишил власть монополии змеборчества. Он добавил к языческому, по сути, ритуалу жертвоприношения врага смысл христианского самопожертвования. Декабристы не потерпели поражение в борьбе с драконом самодержавия. Выйдя «сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение»¹⁴, они добровольно принесли себя в жертву. Отчаянное выступление героев 14 декабря, неправедный суд над ними и жестокая казнь представляются в герценовском мифе как новое воплощение страстей Христовых, искупительная жертва за грехи образованного слоя перед народом. Декабристы не только святые рыцари, но еще и христианские мученики.

Соединив взаимоисключающие мифологемы языческого жертвоприношения (убийства старого царя) и христианского самопожертвования, Герцен придал мифу оппозиции не только смысловую глубину, но и практическую эластичность. В ситуациях «революционного подъема» на первый план выдвигалась змеборческая ипостась. В «годы реакции» миф оборачивался своей христианской стороной святых страстотерпцев-мучеников¹⁵.

Пример декабристов показывает, сколь бездонной может быть пропасть между историческим и мифологическим взглядами на одно и то же событие. Мятежи в Петербурге и под Киевом были подавлены в одночасье:

¹³ *Киянская О.И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825–3 января 1826. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 69, 112.

¹⁴ *Герцен А.И.* Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 171.

¹⁵ *Эрлих С.Е.* История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.

«Зима железная дохнула — И не осталось и следов» (Ф.И. Тютчев). Декабристам не удалось приблизить время реализации своих социально-политических целей. Их мятежные усилия произвели обратный эффект «николаевской реакции». В обширной западной славистике декабристская тема является маргинальной. Зарубежные специалисты, избежавшие облечения русской памятью, не находят ничего выдающегося в неудачливых заговорщиках. Русские же авторы до сих пор не могут освободиться от чар герценовских мифотехнологий: «И пишут, пишут историю этой буффонады. И мемуары, и всякие павлиньи перья»¹⁶.

«Разбуженная» Герценом память о декабристах стала «основным мифом» слоя «критически мыслящих личностей», народившихся в пореформенной России. Считается, что с легкой руки П.Д. Боборыкина их стали именовать словом «интеллигенция». «Интеллигентская мифология декабристов»¹⁷ выполняет роль метафоры мятежа, является контр-мифом власти. Это не локальный миф — частное значение «X» в змеборческом уравнении. Декабристы — коллективная мифологическая персона, архетипический змееборец оппозиции: «В России существует <...> глубоко закрепленная традиция, которая была призвана стать перманентным вызовом для российского авторитарного государства после восстания декабристов в 1825 году»¹⁸. В мифе власти за преходящими образами правителей просвечивает неизменный святой рыцарь Георгий. В контр-мифе за народниками, большевиками и их революционными оппонентами, диссидентами вечно, точнее пока не явится новая версия метафоры мятежа, будут стоять святые рыцари-декабристы.

Созданный Герценом миф о декабристах (в дальнейшем — «миф декабристов», «декабристский миф») нацелен на свержение неподотчетной обществу «самодержавной» власти. В самые свободные времена нашей истории шансы на смену режима законными средствами оставались призрачными. Поэтому герои 14 декабря редко исчезали с авансцены памяти.

Ленин не случайно вспомнил в 1912 о декабристах, разбудивших Герцена. Гениальный борец за власть чувствовал, что подключение к мифологии «трех поколений» усилит ненависть его читателей к «Николаю

¹⁶ Розанов В.В. Опавшие листья (Короб второй) // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 344.

¹⁷ Яковенко И. Проблема гражданского долга // Нева. 2011. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/12/ia14.html>.

¹⁸ Лукс Л. Действительно ли Россия не знает, что такое демократия? («Die Welt») // Иносми. 2014. 21 августа. URL: <http://inosmi.ru/russia/20140821/222501524.html#ixzz3C96Odm4k>.

кровавому» — правнуку «Николая-вешателя». Не только большевики, вся оппозиция царизму, от кадетов до анархистов, воспитывалась на герценовском мифе противоборства с драконом самодержавия.

После 1917 красные фараоны по обычаю царствующих домов превратили декабристов в своих священных предков. Победители в Гражданской войне усиленно выхолащивали из декабристов подрывное содержание. В сталинской интерпретации они были не столько заговорщиками, мечтавшими «между лафитом и клико» импортировать французские либеральные идеи, сколько героями Отечественной войны, движимыми исключительно квасным патриотизмом.

Советский режим отличался от царского еще меньшей степенью свободы. Оппозиция ему могла осуществляться только в виде заговоров и мятежей. Опытный конспиратор Сталин учел недоработки царской охраны. Он создал аппарат превентивного уничтожения людей, способных к бунту. Благодаря эффективной селекции протестные настроения и в постсталинском СССР свелись преимущественно к шептанию на кухне.

Даже робкий протест не мог осуществляться без опоры на священные образцы. С 60-х годов прошлого века герценовская метафора мятежа начала поступательно захватывать сознание интеллигенции. Прикрываясь официальным мифом декабристов — предшественников большевиков, фрондирующие авторы из творческих союзов и Академии наук тиражировали крамолу эзоповым новоязом¹⁹.

Массовое производство декабристской метафоры силами талантливых писателей, филологов, художников, театральных деятелей и кинематографистов содействовало тому, что в 1991 на площадь перед Белым домом посмели выйти десятки тысяч людей.

В девяностые годы декабристский миф эпизодически воскрешался сторонниками КПРФ применительно к тем, кто в 1991 не отдал приказ о штурме Белого дома, а также к защитникам того же почерневшего в 1993 от танкового обстрела здания. Иллюзорная возможность смены власти путем выборов отодвинула в то время декабристов на периферию общественного сознания. В современном общественном сознании акции гражданско-го протеста то и дело ассоциируются с памятью о декабристах²⁰.

¹⁹ *Trigos L.A.* The Decembrist Myth in Russian Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 239 p.

²⁰ *Эрлих С.Е.* Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 274 с.

Формула политической памяти России образована из непримиримого конфликта мифа власти и мифа декабристов. Каждый из них является контр-мифом своего конкурента. Оппоненты видят друг в друге сатанинских чудовищ. Благодаря мифологическому клинчу сотрудничество власти и интеллигенции в нашей стране чрезвычайно затруднено. Антагонизм «господствующего мифа» и «мифа оппозиции» загоняет русское общество в «железные тиски»²¹.

В центре настоящего исследования располагается «верхний» (политический) этаж памяти. Инстинкт выживания «низовой» социальной памяти затрагивается только в отношении с политической памятью.

Политическая память воплощается в виде героических мифов и мест памяти (топонимика, памятники, музеи, выставки и т. д.). Места памяти²² начала третьего тысячелетия были рассмотрены автором ранее. Настоящее исследование сосредоточено на современном состоянии декабристского мифа.

Изучаются мифологические структуры, «опредмеченные» в повествованиях («нарративах») «мягкой» памяти. Александр Эткинд подобрал удачную компьютерную метафору: «software» — «hardware». Она позволяет отделить текстуальную «мягкую» память, обитающую «в текущем публичном дискурсе», от памяти «твердой», которая «хранится в дпящемся во времени материальном субстрате, прежде всего в памятниках»²³.

Исторические декабристы выступали в трех мифологических воплощениях.

Первым по времени был *православно-монархический контр-миф декабристов*. Он формировался в газетных правительственных реляциях конца 1825 — начала 1826²⁴, «Донесении Следственной комиссии»²⁵, кни-

²¹ Левандовский А.А. Прощание с Россией. Исторические очерки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 621.

²² Эрлих С.Е. Dekabristy.ru. История в киберпространстве: памятные имена и места памяти // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 550–619.

²³ Эткинд А.М. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html.

²⁴ Готовцева А.Г. Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг. // Вестник РГГУ. 2007. № 9. С. 154–199.

²⁵ Донесение Следственной комиссии 30 мая 1826 его императорскому величеству высочайше учрежденной комиссии для изысканий о злоумышленных

ге М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (1848–1857)²⁶. Декабристы изображались врагами богоданного царя, задумавшими посеять смуту в царлюбивом отечестве.

Ближе к середине XIX в. получила оформление герценовская мифологическая концепция декабристов — героев-мучеников. Она была взята на вооружение всем спектром интеллигентской оппозиции царскому режиму.

Произведенное М.Н. Покровским противопоставление «революционной легенды» А.И. Герцена и «либеральной легенды» Н.И. Тургенева представляется, используя выражение самого «красного Карамзина» (П.Н. Милюков), политикой большевиков, обращенной в прошлое²⁷.

Эмигранту Тургеневу, приговоренному Верховным уголовным судом по делу декабристов к вечной каторге, необходимо было оправдаться перед властями. Он представлял тайные общества в виде невинных дискуссионных клубов. Человеколюбивая цель крестьянского освобождения отодвигала в тень антисамодержавные конституционные проекты²⁸. В цензурных условиях царской России тургеневская версия была использована в «маскировочных» целях А.Н. Пыпиным²⁹ и В.И. Семевским³⁰. Герцен не мог согласиться с принижением своих героев. Но ценил эмансипаторский пафос старшего *réfugié* и разделял его уверенность, что социальная революция может быть осуществлена путем политических реформ³¹.

Герценовский («революционный») и тургеневский («либеральный») изводы мифа интеллигенции расходятся в вопросах тактики. Их

обществах всеподданнейший доклад // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 71–118.

²⁶ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом. Третье издание (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857. // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 207–314.

²⁷ Покровский М.Н. Декабристы (Легенда и действительность) // Покровский М.Н. Декабристы: Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 32–52.

²⁸ Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 760 с.

²⁹ Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. 560 с.

³⁰ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типография Первой СПб. Трудовой артели, 1909. XII+694 с.

³¹ Эрлих С.Е. Метафора мятежа. С. 30, 179–184.

объединяет противостояние неинтеллигентной власти. Различия подходов не дают оснований множить сущности оппозиционного *декабристского мифа интеллигенции*.

После победы большевиков оформилась третья мифологема декабристов — священных предков «власти трудящихся». Назовем ее *коммунистическим (советским) мифом декабристов*. Благодаря ленинской формуле «трех поколений» декабристы получили постоянную прописку в мифе Октябрьской революции.

Ни один из этих мифов не канул в Лету. За каждым из них в современной России стоят определенные общественные силы. Православно-монархический контр-миф декабристов пользуется поддержкой многих священников и светских активистов МП РПЦ. Декабристский миф интеллигенции продолжается усилиями европейски ориентированной части образованного слоя. Советский миф декабристов унаследован пропагандой КПРФ.

Значение медийных баталий по поводу событий 14 декабря объясняется тем, что с точки зрения политической памяти декабристы предстают не в качестве *одного из* эпизодов русской истории. Декабристы — это «основной миф» русской интеллигенции. Борьба православных монархистов против двух изводов декабристского мифа (просоветской КПРФ и антисоветской интеллигенции) становится одним из важнейших полей битвы за русское будущее. На этом поле есть место для плодотворного приложения усилий различных «исторических», в широком смысле, гуманитарных подходов.

Часть II

ДЕКАБРИСТСКИЙ МИФ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Глава 3 МАНИФЕСТАЦИИ МИФА

3.1. Верность мифу

Число манифестаций декабристского мифа в ЖЗ невелико. Ряд из них являются публикациями текстов советского времени.

Повесть Бориса Голлера «Петербургские флейты» создана в 1983¹. Декабристская тема для питерского драматурга и прозаика является одной из главных. Ему принадлежат две пьесы, посвященные декабристам: «Сто братьев Бестужевых» (1975) и «Вокруг площади» (1982)².

Время написания «Петербургских флейт» объясняет, почему в повести последовательно воспроизводится герценовский миф. Декабристы для автора, как и для большинства советских интеллигентов, самоотверженные — не нам чета — борцы за свободу: «Эта порода людей нынче повывелась на земле».

В согласии с герценовской моделью, они — пророки, мученики, коллективный Христос русской интеллигенции. У Николая Бестужева «сухие глаза пророка». Николай Панов вместо брачного венца «вскоре получит — другой, терновый». Сестра декабристов Елена Бестужева не пускает в дом полицейских чинов, пришедших с обыском. Стоя с символически распростертыми руками в дверном проеме, она мысленно взывает: «Помогите нам! — слабым, неуверенным... И когда нас распинают». Дата мятежа декабристов сближается с кануном Рождества. 14 декабря ассоциативно приравнивается к избению младенцев: «Среди младенцев, убитых Иродом, — мог быть не один Иисус... Просто этот уцелел!» «Не

¹ Голлер Б. Петербургские флейты. Повесть // Звезда. 1999. №6. URL: <http://magazines.russ.ru:81/zvezda/1999/6/golle.html>.

² Голлер Борис Александрович // Союз писателей Санкт-Петербурга. Б. д. URL: <http://www.pisateli-spb.ru/writer-54.html>.

Научное издание

Сергей Ефроимович Эрлих

ДЕКАБРИСТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
Конец 1990-х — начало 2010-х

Выпускающий редактор *Л. В. Батришина*
Корректор *А. А. Григорьев*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 25.07.2014. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 24,0
Тираж 500 экз. Заказ № 4172

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23